

IV

ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVI—XVII ВВ.

1

В хозяйственной жизни великорусского племени XVI век имел особое значение. Московское государство, образованное в XVI веке порывом к объединению сознавшей себя великорусской народности, пережило на первых же порах своего существования ряд потрясений. Казалось, все сначала складывалось на пользу молодого государства: легко отпало татарское иго, и самые ханства татарские подробнелись и ослабели; Литва утратила прежний перевес сил над Москвой и уступила Москве много русских пограничных земель. Внутреннее объединение государства совершалось быстро и решительно: местные власти Новгорода, Пскова и удельных княжеств никли перед властною волею московского государя, и он на деле мог „един властель быти“ в русской земле. Первые московские „самодержцы“ Иван III и Василий III упивались успехами своей политики, в общем знали только удачу и привыкли к торжествам и победам. Менее счастливы был их преемник Иван Грозный. После несчастного сиротского детства он также начал свое самостоятельное правление крупными удачами. Покорением Казани и Поволжья он даже приобрел славу и народным героем вошел в народные песни. Но затем начались беды. Война за Балтийский берег с Ливонией превратилась в тяжкую войну с Литвой и Швецией, затянулась на много лет и окончилась поражением. Военные действия разорили все западные области

государства, а мирные договоры с победившим врагом отняли всякие выходы к морю через западные границы и поставили русскую торговлю в полную зависимость от соседних правительств. Последние остатки оживленного когда-то новгородского торгового пути были убиты; край заглох и обезлюдел. Только во Пскове военное разорение было до некоторой степени заглочено тем, что после войны Псков стал единственным торговым посредником между Москвою и гаванями Рижского залива. Военные неудачи соединились при Грозном с внутренними осложнениями, точнее сказать, явились их последствием. По многим причинам в середине XVI столетия трудовое население Московских центральных областей тронулось с своих мест и начало выселяться на окраины государства. Завоевание инородческих земель, бывших под властью казанских татар, открыло для русской колонизации привольные пространства среднего и нижнего Поволжья, а также и дороги в Приуралье. Падение татарского засилья на юге сделало доступным для русских людей все пространство на юг от средней Оки — „дикое поле“ по рр. Дону, Осколу, Северному Донцу. Земля в московском центре была уже повыпахана и население испытывало нужду в „угожей“ земле; возможность перейти с истощенного суглинка на нетронутый чернозем манила как простого пахаря, так и крупного сельского хозяина. Поэтому склонность к переселению сказалась быстро и решительно; а правительство на первых порах даже само поощряло это переселение, вызывая „верховных сходцев“ в „низовские“ места для укрепления там русской власти и влияния среди инородцев Поволжья. Так налаживалось законное выселение; рядом же с ним развивался и незаконный выход „побег“. Его вызывала как общая экономическая неудовлетворенность трудовой массы, так и пресловутая опричнина Грозного, создавшая в государстве эпоху террора. Массовый выход населения из центральных, коренных уездов государства подорвал их благосостояние, разрушил в них земледельческую культуру и, разорив земледельцев, опустошил государеву казну и лишил государство той ратной силы, которая раньше приходила служить „конна, людна и оружна“ с богатых трудовым населением земель. В конце своего царствования Грозный понимал, что судьба поставила его перед тяжелым кризисом, что его страна „в пустошь изнурилась и в запу-

стение пришла“ и что необходимы особые меры для того, чтобы „землю построить“.

Такова была общая обстановка, при которой начался и развивался правильный морской торг с Московским государством англичан и их торговых соперников — голландцев.

2

Северная окраина Московского государства, хорошо знакомая новгородцам еще в глубокой древности, в XVI веке представляла собою глухой инородческий край, в котором русское население сидело отдельными гнездами на берегах озер, а также в устьях „морских“ рек и при удобных бухтах, где могло с успехом заниматься рыболовством и иными „морскими“ промыслами. С исчезновением новгородских колонизаторов „бояр“, истребленных Москвою, из края исчез крупный капитал и экономически сильные предприниматели. При московской власти север стал крестьянским, и только немногие монастыри (главным образом, Соловецкий) являли собою крупные, сравнительно благоустроенные хозяйства, представители которых продолжали дело колонизации и эксплуатации морских берегов. На Кольском полуострове стал заметен в эту эпоху Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, по преданию, около 1532—1533 года. Он жил рыболовством, и братия монастыря настолько развила морской промысел, что могла избыток добытых продуктов сбывать на сторону. В 1562—1564 гг. Печенгские монахи на монастырских ладьях приходили в датскую крепость Вардегуз в Норвегии с рыбой, рыбьим жиром и другим морским товаром для торга с датчанами и норвежцами. Эти торговые сношения с иноземцами вызывались условиями соседства и ограничивались мяною местных продуктов. Но предприимчивость голландских торговцев, плававших в те времена в северных морях, позволила им воспользоваться русским торгом в норвежских гаванях и завязать торговые связи, минуя датчан и норвежцев, непосредственно с русскими в их собственной земле. Голландские корабли с 1565 года стали появляться сперва в Печенгской губе, а затем и в Кольской у московского „городка“ Колы, в котором не насчитывалось тогда и десятка дворов. С тех

пор началась оживленная торговля голландцев с Москвою через „большую дорогу океан море“ и северные русские реки. Одновременно с голландцами на северные моря обратили свое внимание и торговые соперники голландцев — англичане. Очень известно случайное появление в Белом море английских кораблей, направленных в 1553 г. в Вардегуз и по воле ветра заброшенных далее в неизведанные воды Белого моря. Из всей английской эскадры уцелел здесь один корабль, и его капитан Ричард Чанслер, остановясь в устьи С. Двины у монастыря св. Николая, завязал сношения с русскими властями на Холмогорах. После предварительной с ними „обсмаки“, с устья Двинского „приехали на Холмогоры в малых судах от английского короля Едварда посол Рыцарт (Ричард Чанслер), а с ним гости (то-есть купцы), а сказался, что он идет к великому государю к Москве“. Чанслера допустили в Москву и приняли как посла; через него московское правительство охотно завязало непосредственный торг с Англией. С течением времени английские корабли, получившие прочную гавань в Корельском устьи С.-Двины, стали заходить и в другие места северного русского побережья; голландцы же в свою очередь около 1577 года проникли в С. Двину. Стремление иностранцев закрепить за одною какою либо нацией монопольное пользование определенной русской гаванью не встречало сочувствия у московского правительства. Оно готово было допускать в свои воды всякие корабли и всех вообще „гостей“ (то-есть купцов), готово было давать этим гостям всякие льготы, чтобы приманить их к деятельному общению с Москвою; но по военным обстоятельствам и политическим соображениям оно пришло к решению закрыть Мурманские „пристанища“ и сосредоточить иноземный торг в одной только гавани одинаково для всех наций. Такою гаванью сделало оно Двинское устье, где в 1583—1584 г. был построен город Архангельск. С тех пор установился и держался до времени Петра Великого такой порядок торговых сношений с „заморскими немцами“. В Архангельске в период короткой летней навигации происходил торг. Базою для него служил город Холмогоры, куда на зиму оттягивались купцы, гарнизон и администрация Архангелогородской ярмарки. От ярмарки и Холмогор Двиною шел магистральный путь в центр государства через торго-

вые города, питавшие своими торговыми оборотами ярмарочные склады Архангельска. Такими городами были Великий Устюг, „где в сентябре и октябре бойко торгуют мехами“ из Сибири и Перми; затем Вологда, „один из самых замечательных торговых центров России“, и Ярославль, первый после Москвы город в государстве по населенности, богатству и оживлению. Ярославль лежал в узле многих торговых путей, ведущих на север из Поволжья и Москвы; Вологда же была пунктом, где все товары, шедшие в Архангельск из Московского центра и Поволжья, грузились на суда; а товары иноземные, пришедшие с севера, с судов перегружались на сани или колесный ход. Дорога от Двинского устья до Москвы рано стала известной и доступной для иностранцев. На главных ее этапах они успели устроить свои фактории и жилища еще в первые десятилетия торговых сношений с Москвою. Но и другие места русского севера иноземцы не оставили без внимания: они исследовали русское побережье Ледовитого океана; они побывали на путях, ведущих от С. Двины к Новгороду и Уралу; они разузнали те места, где происходили торжки русских с северными инородцами (вроде Лампожни на Мезени) и постарались принять в них участие. Ряд деловых отчетов и литературных рассказов голландских и английских купцов и путешественников об их странствованиях по Московии составляет ценнейший для русского историка географический и бытовой материал. Энергия и мужество торговых конкурентов, какими тогда были англичане и голландцы, состязавшиеся за преобладание на московских рынках, вызывает удивление и почтение.

3

Прежде всего способно вызвать наше удивление отважное и умелое поведение самого Ричарда Чанслера (Richard Chancellor), первого англичанина, увидавшего Москву. Он был представителем английской компании или „общества купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых“. Заветная цель этой компании заключалась в том, чтобы отыскать северный морской путь в Индию и Китай. На первых порах компания снаря-

дила в северную экспедицию три корабля. Два из них не возвратились: экипаж замерз в одной из бухт на Мурманском берегу. Третий же под командою Чанслера попал в Белое море и в устьях С. Двины вошел в сношения с „туземцами“, то-есть русскими. Чанслер решился выдать себя за королевского посла и в таком качестве, вместе с товарищами, которые скрывались купцами, был допущен в Москву, где хорошо разыграл взятую на себя роль самозванного посла. Объяснения его с московским правительством были настолько удачны, что послужили началом благожелательных дипломатических и торговых сношений Англии с Москвою. Проведя в Московии несколько месяцев, Чанслер успел собрать много сведений о порядках московских и нравах. Русские люди не произвели на него хорошего впечатления, и он много и не всегда справедливо осуждал их, но для своих соотечественников он дал практически ценные указания о вновь открытой им стране и о возможности правильных с нею сношений. По его стопам скоро пошлн другие англичане, из которых наиболее были замечательны Стефен Борро (Birrough) и Антон Дженкинсон.

Борро, спутник Чанслера, по возвращении с Чанслером в Англию, принял от своей торговой компании поручение отправиться снова в северные моря с целью открытия путей на восток. Надеялись, что ему удастся достигнуть по крайней мере устьев р. Оби. В летние месяцы 1556 года Борро побывал в Кольской губе, а затем достиг Камина носа, Югорского шара, Вайгача и даже Новой Земли. Но до Оби он не успел добраться и на зимовку пошел в устье С. Двины. Оттуда весной 1557 года он хотел было возобновить поиски путей на восток, но его направили в другую сторону. Английская эскадра, вышедшая 2 августа 1556 года из Двины в Англию с русским посольством и русским товаром, пропала без вести (из четырех ее кораблей уцелел и прибыл в Темзу только один). Стефену Борро пришлось идти на поиски погибших, и он обследовал берега Кольского полуострова в горлогине Белого моря и на севере. Путешествия Борро обогатили географические познания европейцев и доставили самому ему славу замечательного путешественника.

Если Борро явил свое мужество в борьбе с суровою природою севера, то современник его Антон Дженкинсон

оказался не менее смелым в борьбе с природою и кочевниками юга. До своего появления в Москве он много путешествовал по Европе, был в Турции, Палестине, северной Африке. В Москву впервые он явился в конце 1557 года. Летом приплыл он в Холмогоры и в августе выехал оттуда в Вологду, а из Вологды уже на санях отправился в Москву. Зиму 1557—1558 г. Дженкинсон провел в Москве и попросил у царя разрешения на поездку в Азиатские страны. Весною, снабженный царскими проезжими грамотами, попал он реками Москвою, Окою и Волгою на восток. В Астрахани сел он вместе с персидскими и татарскими купцами на морское судно и, переплыв Каспийское море, высадился на полуострове Мангышлаке. После многих приключений добрался он до Бухары, где благополучно перезимовал, замышляя весною 1559 года ехать в Китай или Персию. Но постоянные войны и разбой кочевников затворили ему на этот раз все дороги, и он вернулся в Москву. Описание его путешествия, хотя и не лишено некоторых неточностей и преувеличений, но считается исторически важным потому, что Дженкинсон был первым (и единственным в XVI веке) образованным западноевропейцем, проникшим в Среднюю Азию. Если и допускать, что наш путешественник не воздерживался от похвалы и прикрас, все же его описание свидетельствует о чрезвычайном его мужестве и выдающейся наблюдательности. На первом своем знакомстве с Азией он не остановился: в 1561 году он снова явился через Холмогоры в Москву и оттуда пробрался в Персию. Весною 1562 г. отправился он прежним путем в Астрахань, оттуда попал в Дербент, был в Шемахе, Тавризе и, наконец, нашел шаха в Кавчине, где и зимовал, а затем весною 1563 г. пошел в обратный путь и достиг в августе Москвы, где и остался до весны 1564 года. И после этого путешествия Дженкинсон еще дважды морем ездил из Англии в Москву (1566 и 1571 г.), неизменно пользуясь милостивым приемом Грозного царя. Знакомясь с записками Дженкинсона о его поездках, нельзя не подивиться его отваге и энергии: вся жизнь этого человека проходила в движении по мало изведанным морям и еще менее изведанным странам. Географические наблюдения и измерения, торговые справки, этнографические описания, дипломатические переговоры — на все это был способен Дженкинсон

и всем этим он доселе полезен одинаково историку и географу. Можно ясно себе представить, как важны и полезны были сведения, доставляемые Дженкинсоном, для его современников, торговых англичан и английского правительства, в их сношениях с отдаленной Московией.

В энергии и отваге англичанам не уступали и голландцы. В 1566 г. Антверпенская торговая компания отправила в Печенгу и Колу в качестве торгового агента своего бухгалтера Симона фон Салингена. В Коле он встретился с купцом Корнелиусом де Мейером Симонсоном. Мейер только что вернулся в Колу из неудачной поездки в Москву: его задержали в Новгороде, найдя недостаточными его документы. Салинген и Мейер решились на новую попытку проникнуть в Москву и, не рассчитывая обратиться туда через Новгород, избрали другой путь. Они оделись в русское платье, наняли лодку с русскими гребцами и через Камдалакшу, Кемь и Суму прошли в Онегу и Каргополь, откуда явились в самую Москву. Там им удалось сыскать „гостя“ (то-есть купца) Степана Твердикова, с которым они познакомилась еще в Голландии, когда он приезжал в Антверпен по поручению Московского царя. Твердилов, повидимому, испугался за своих смелых гостей, да и за себя самого. Это было крутое время опричнины и спал; у голландцев не были в порядке документы; они заранее не испросили позволения на путешествие в Москву и, в довершение всего, были в туземном платье, как бы скрывая свою иноземную „природу“. Твердилов посоветовал им не соваться на глаза властям, и потому наши путешественники оставили Москву без огласки и направились в Новгород. Из Новгорода Мейер отправился в Нарву; Салинген же остался пока в Новгороде и торговал там жемчугом и драгоценными вещами, а затем вернулся в Колу. Он не указывает точно своего пути из Новгорода в Колу, — но этот путь описан англичанами, одновременно с ним ездившими между Белым морем и Новгородом. Путь шел от Новгорода по Волхову и Свири на Повенец, Телешну-реку, Выг-озеро, Выг-реку и Сороку. Странствования Салингена и Мейера могут удивить нас не только их смелостью, но и тем, что в острый политический момент казней и опричнины в Москве людям без местного языка и должных документов (проезжих грамот и т. п.) оказалось возможным

дважды пересечь всю страну от Москвы до ее крайних северных рубежей, и притом безо всяких особых приключений. Очевидно, отношение к иностранцам в тогдашней Руси было очень терпимым. Надо прибавить, что к такому же выводу ведут и путевые замечания современных англичан. Возвращаясь из Азии в Московскую Астрахань, Дженкинсон считает свои опасности минувшими и нигде не жалуется на обиды и притеснения со стороны русского населения и администрации.

Еще большую, пожалуй, отвагу, чем Мейер и Салингей, проявил Брюссельский уроженец Оливер Брюнель. На одном из первых нидерландских кораблей приехал он в Колу, повидимому, еще очень молодым человеком. Из Колы голландцы послали его в Холмогоры учиться русскому языку, а оттуда, по какому-то доносу, он был отправлен в Москву и затем попал в Ярославль в тюрьму. Из тюрьмы его выпустили по почину знаменитых Строгановых, которые взяли Брюнеля на свою службу в качестве торгового агента. Это было около 1570 года. Не один раз по поручению Строгановых Брюнель возил для продажи меха за границу. На голландском корабле в свою первую поездку отплыл он из Колы в Дордрехт и Антверпен, побывал в Париже и обратно вернулся в Колу морем. Другие поездки имели иной маршрут, а однажды, в 1577 году, Брюнель даже ухитрился с запада добраться до Московии сухим путем, несмотря на опасности военного времени. В последующие годы его энергия была направлена в иную сторону. По поручению Строгановых он дважды ездил в Сибирь к р. Оби, спускаясь в море по Печоре, и, таким образом, ознакомился с условиями плавания вдоль Сибирских берегов. В 1581 году он хлопотал о чрезвычайно любопытной экспедиции. От имени Строгановых ездил он в Голландию приглашать на их службу опытных моряков. На Северной Двине Строгановы выстроили два корабля, с которыми Брюнель и должен был обогнуть с севера Азиатский материк, чтобы проникнуть в Китай. Однако, осуществление этого плана не удалось: экспедиция была снаряжена Брюнелем, повидимому, независимо от Строгановых на собственном корабле; около 1584 года плавание Брюнеля началось, но проникнуть на восток далее о. Вайгача и Новой Земли ему не пришлось из-за льдов. Повидимому, эта экспедиция повела к разрыву Брюнеля со Стро-

тановыми. Он выбрался из России в Данию и остался там, поступив на датскую службу. В истории северных путешествий имя Брюнеля заняло почетное место, и его географические наблюдения весьма ценились его учеными современниками.

Из немногих приведенных примеров ясна та энергия, с какою иностранцы взялись за изучение новой для них страны. Мотивы коммерческие лежали в основе их предприятий; дух научного исследования руководил лишь немногими путешественниками. Вот почему в результате всех изысканий англичан и голландцев являлись не научные трактаты, а торговые договоры с московским правительством, стремившиеся использовать (и по возможности монопольным способом) исследованный край. Английская компания, в лице Чанслера, первая вступила в такой договор с Москвою, получив от царя Ивана Васильевича „жалованную грамоту“ на свободный проезд для торга в московское государство. За первую грамотою последовали и другие, создавшие ряд торговых льгот для этой именно компании „купцов-искателей“ („Merchants-adventurers“), которой покровительствовало английское правительство. Компания в 1569 году получила право беспошлинного торга во всем московском государстве и монополию на торговлю в Казани и Астрахани и в Нарвской гавани; разрешался даже транзит для торговли с Персией. Компания могла владеть недвижимостью в русских городах, иметь канатную фабрику в Вологде, искать железную руду на р. Вычегде, пользоваться ямскими лошадьми, держать русскую прислугу и рабочих. Ей было даровано право „жить по своему закону“; в юрисдикции агента компании находились все ее члены и служащие. Московская власть ведала англичан лишь в их столкновениях с русскими людьми или иными иностранцами, и для этих случаев Грозный особо пожаловал компанию, взяв ее в ведение опричнины, иначе говоря, в свое собственное ведение. Эти исключительные льготы, однако, не продержались долго. Политические размовки Грозного с королевою Елизаветою и явная невыгодность для Москвы компанейских привилегий повели к ограничению их и к частичному уничтожению. Компания то теряла, то восстанавливала свои льготы; но с течением времени московское правительство твердо усвоило себе правило не создавать монопольных преимуществ ни для

каких иностранных торговых организаций или отдельных лиц. Рядом с компанией „купцов-искателей“ оно давало „жалованные грамоты“ и другим англичанам и поощряло торговые приезды купцов иных наций. Со смертью Грозного окончились красные дни англичан, принадлежащих к компании: московский дьяк, ведавший внешние сношения Москвы, насмешливо объявил английскому агенту, что в лице Грозного „английский царь помер“ и что теперь в Москве к англичанам будут относиться иначе. Компания, действительно, никогда более не могла вернуть себе преимуществ, какими ее жаловал Грозный, а в середине XVII века она и вовсе была лишена права торговли внутри Московского государства. Англичане, как принадлежавшие к компании, так и не принадлежавшие, должны были стать в одинаковые с другими иноземцами условия торговой конкуренции в Архангельской гавани, дальше которой им не стало ездю.

В пору наибольших английских успехов в Москве английская компания, а за нею и английское правительство, упорно добивались от московских властей, чтобы они представляли английским купцам исключительное право на торг с Москвою и не допускали бы в С. Двину кораблей других наций. В стремлении своем монополизировать московскую торговлю англичане прибегали даже к насилиям, задерживая на пути к Архангельску чужие корабли и побуждая к тому же датское правительство, которое и без того не желало поощрять плаванья голландских кораблей вдоль Лапландского берега. На все такие притязания англичан Москва отвечала отказом, считая, что всякий мог пользоваться открытым морским путем. „Морская дорога к нашей вотчине, в Холмогоры, Колу и другие морские пристанища, не новая“—говорили московские дипломаты датчанам и англичанам: „ту Божию дорогу океан-море как мочно переияти и унять и затворить?“. Голландцы сумели использовать такой взгляд московской власти. Отчетливо представляя себе все обстоятельства дела, они решились на борьбу с англичанами. Некто Лука Энгельстадт в 1589 году представил Нидерландским генеральным штатам замечательную по осведомленности записку, в которой изложил все выгоды от торговли с Москвою и рекомендовал, не смущаясь английскою монополией, послать в Москву посольство и дипломатическим путем добиться заключения торгового

договора на право торго внутри Московского государства. Пока штаты собирались исполнить совет Энгельстадта, некоторые предприимчивые голландцы частными усилиями добились для себя разрешения на въезд в Москву и другие русские города, и за время Бориса Годунова, а также в смутные годы начала XVII века, внутри Московского государства мы видим достаточное число голландских купцов, жестоко конкурирующих с англичанами. Обе народности отличались энергией, предприимчивостью и смелостью, обем казалось, что соперник достиг большего успеха, чем бы следовало, и потому оба соперника с исключительной настойчивостью шли к своей цели — укрепиться на московской почве и стать необходимыми на московском рынке.

4

В таких бытовых и правовых условиях действовали иностранцы в Московском государстве. Северная окраина Руси („Поморье“), столица Москва, Новгород и пути к Нарвской гавани, наконец, Волга и Каспий, как путь на азиатский восток, — вот что привлекало внимание англичан и голландцев в Московии. С переходом Нарвы к шведам, Новгород и Нарвский путь теряли свое значение в московском торговом обороте. В Азию по Волге можно было попадать только с разрешения московской власти и с ее деятельной помощью и контролем. В Поморьи же эта помощь бывала и не нужна, а контроль был часто неосуществим. Официально для иностранных мореходов была там открыта одна гавань, одно „пристанище“ Архангельское. А на деле иностранные корабли могли пользоваться всеми доступными „пристанищами“ от Кольской губы до устья Печоры и, действительно, пользовались ими, заводя сношения с русскими рыбаками и „лодейниками“ и с прибрежным населением. А по зимнему пути они садили во все стороны от Архангельска, изучая край и отыскивая места торго — ярмарки, где они могли бы всего легче приобрести местные товары и сбыть свои. Уже в первые десятилетия своего пребывания на русском Севере иностранные гости узнали хорошо его важнейшие пункты и пути. Они обратили в свои постоянные базы те пристани, где их официально принимали: англичане — свой „Розовый остров“ (о. Ягры)

в Никольском устье С. Двины, а голландцы — пристань в Пудожемском устье. Впоследствии и те и другие перешли в Архангельск и Холмогоры, где приобрели усадьбы и хорошо обстроились. Из этих своих факторий они и принимали всякого рода разведки. В 1566 году английская компания предписала своим агентам осмотреть путь от устьев Двины до Новгорода и Нарвы, чтобы узнать, можно ли связать между собою северную и западную московские гавани. Вследствие этого два англичанина Томас Соутгем и Джон Спарк отправились из Холмогор морем в Соловки, получали там проводника и с ним направились на Сороку и устье р. Выга. По Выгу шли они на трех небольших лодках, перетаскивая их через пороги. Переплыв Выгозеро, пошли они вверх по р. Телешной и затем на телегах приехали в Повенец, а оттуда опять на судах Онежским озером, Свирью и Волховом приплыли в Новгород. Поставленная им задача была, таким образом, разрешена (выше было рассказано, что в те же годы такого же рода путешествия по северным путям до Москвы и Новгорода сделали голландцы Салинген и Мейер). Немногом позднее агент английской фактории в Москве Антоний Марш вошел в сношения с русскими мореходами из Пустозерска и сговорился с ними, чтобы они с его комиссионером предприняли поездку в Сибирь к Оби за тамошними товарами. В 1584 году эта поездка и была совершена, вероятно, по рр. Печоре и Усе. Хотя купленные там для англичан меха и были конфискованы московскими властями, но Марш получил от пустозерцев много полезных географических и торговых сведений, которые позднее пошел в прок англичанам. Одновременно с попыткой Марша англичанин Франсис Черри успел лично съездить на крайний северо-восток России в Пермский край (into Permia) и, повидимому, добрался до северного Урала. Позднее, когда московская смута потрясла государственное единство и гражданский порядок в Москве, английская компания потеряла возможность торговых сношений с самой Москвою и уже не получала товаров в Архангельске. Чтобы не терять русского рынка, она задумала завязать прямые торговые сношения с местными центрами на русском Севере и, между прочим, с Пустозерском и устьях Печоры, откуда была надежда проникнуть в Сибирь, в места добычи наиболее ценных сортов пушного товара. В 1611 году англий-

ский корабль явился в устье Печоры и высадил в Пустозерск агентов компании Джосиаса Логана и Виллиама Порсглова с товарами для обмена и торга. Оба эти лица остались в Пустозерске на зиму 1611—1612 гг. Далее на восток проникнуть им не удалось; но и оставаясь на Печоре, они могли приобретать сибирские товары. Они действовали на устьях Печоры и поднялись по Печоре до Усть-Цильмы. С караваном самоедов и пустозерцев Порсглов на оленях осенью 1611 года отправился на запад, на Мезень.

На низовьях Мезени, сперва на островке Лампожне, а впоследствии в нововозникшей „Слободе“ („Окладникова слободка“ на месте нынешнего города Мезени) дважды в зиму бывала большая ярмарка, на которую съезжались для менового торга самоеды, пермяки и русские купцы из Холмогор, Вологды и других мест. В „Слободе“ Порсглов нашел англичанина Томаса Лайгона, который постоянно там жил, торгуя не от английской компании, а от себя лично, или же от своего хозяина Ричарда Кокса. Из Слободы Порсглов проехал в Холмогоры, где застал другого англичанина Фабиана Смита, агента компании. После торга Порсглов возвратился в Пустозерск в январе 1612 г. и, скупив на Печоре и вытопив белужий жир летнего улова, осенью 1612 г. вместе с своим товарищем Логаном на ладье вернулись в устье Двины. Вслед за этими двумя англичанами на Печоре действовали их товарищи Вильям Гордон, которому удалось в 1614 г. побывать даже на северном Урале, „в Югре“, на р. Уссе, и Мармадьюк Вильсон, который годами жила в Усть-Цильме для приобретения пушینیны.

Так, пользуясь смутою и ослаблением надзора, иноземцы, можно сказать, обшарили весь север и добрались до всех его „заповедных“ товаров. Но с восстановлением порядка в XVII веке их постепенно вытеснили в их старые фактории и крепко закрыли Поморье от предприимчивости иностранцев. Открылось оно снова лишь в эпоху Петра Великого, когда правительство само стало понемногу изучать север с помощью иноземных ученых и техников.